

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

- ¹⁰ *Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей. — В кн.: *Бронзовый и железный век Сибири.* Новосибирск, 1974, с. 264.
- ¹¹ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М., 1950, с. 143, 144.
- ¹² *Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей, с. 264.
- ¹³ Там же, с. 263, 264.
- ¹⁴ Там же, с. 264.
- ¹⁵ *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 280.
- ¹⁶ *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970, с. 97.
- ¹⁷ *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы. — *Вестник МГУ, сер. ист.-филол.*, 1958, № 4, с. 77.
- ¹⁸ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 102; *он же.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. — *МИА*, № 60, 1959, с. 316.
- ¹⁹ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 316.
- ²⁰ *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
- ²¹ *Миллер А. А.* Изображения собаки в древностях Кавказа. — *ИРАИМК*, II, 1922, с. 321.
- ²² *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Автореф. докт. дисс. М., 1967, с. 26.
- ²³ *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, с. 67.
- ²⁴ *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. — *МИА*, № 106, 1962, с. 53.
- ²⁵ *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского, с. 63.
- ²⁶ Там же, с. 63.
- ²⁷ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 389.
- ²⁸ Там же, с. 437.
- ²⁹ *Бобринский А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1894, с. 85.
- ³⁰ *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского, с. 63.
- ³¹ *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. — В кн.: *Вопросы скифо-сарматской археологии.* М., 1954, с. 222.
- ³² *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 115.
- ³³ *Николаев Р. В.* Курганы тагарской эпохи у г. Красноярск. — В кн.: *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края.* Красноярск, 1963, с. 99.
- ³⁴ Там же, см. примеч.
- ³⁵ *Гудкова Е. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964, с. 86.
- ³⁶ *Шишкина Г. В.* Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — В кн.: *История материальной культуры Узбекистана*, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 218.
- ³⁷ *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана, с. 143.
- ³⁸ *Альбаум Л. И.* Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, с. 101.
- ³⁹ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 35.
- ⁴⁰ *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана, с. 143.
- ⁴¹ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 28.

М. К. КАДЫРБАЕВ, Ж. К. КУРМАНКУЛОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ЖРИЦЫ, ОБНАРУЖЕННОЕ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сведения античных письменных источников о гинекократии в савроматском обществе неоднократно были предметом специальных исследований. Наиболее полно, во всей совокупности античной традиции и археологических материалов, эта проблема была разработана Б. Н. Граковым¹. Гипотеза Б. Н. Гракова о связи савроматского женовластия с сильными пережитками матриархата в этом обществе получила дальнейшее развитие в работах К. Ф. Смирнова и А. М. Хазанова². Существует, как известно, и противоположная точка зрения, ставящая под сомнение значение материнского рода и его пережитков у савроматов³.

А. М. Хазанов верно подметил неоднозначность зависимости между положением женщины в обществе и характером его линейной принадлежности⁴. В самом деле, мнение о роде как об универсальной ячейке перво-

бытного общества, в которой экономические отношения совпадали с кровнородственными и семейно-брачными связями, совершенно невозможно распространить на эпоху раннего железа — время распада в степях Евразии первобытнообщинного строя и сложения раннеклассовых образований. В эту эпоху уровень развития производительных сил древних кочевников не только ослабил зависимость общественного строя от родовых связей, но и в определенной степени разделил два вида производства, характеризуемые Ф. Энгельсом как ступени развития «...с одной стороны — труда, с другой — семьи»⁵. Поэтому сам по себе факт существования матриархата или его пережитков у савроматов еще не говорит о регрессе общественного производства и социальных отношений у этих племен⁶.

При всем несходстве мнений о характере общественного строя савроматов сторонники обеих гипотез единодушны в оценке женских погребений с каменными алтарями-жертвенниками. Определение их как захоронений жриц — отправителей религиозных культов в семье или роде — заслуга прежде всего археологов⁷, ибо античная письменная традиция, широко повествующая о воительницах-амазонках, почти не содержит данных о женщинах-жрицах, если не считать глухих сведений Псевдо-Гиппократом о совершении ими до замужества каких-то жертвоприношений.

Убедительность такой трактовки женских погребений с каменными жертвенниками все более подтверждается новыми материалами. Менее бесспорным выглядит тезис о принадлежности этих захоронений собственно савроматам. Дело в том, что для собственно савроматских племен Геродота, о которых и говорит Псевдо-Гиппократ, такие погребения, по наблюдениям К. Ф. Смирнова, не типичны⁸. Они широко распространены только в Самаро-Уральской области, а вопрос об этническом облике населения этой территории в савроматское время остается открытым⁹.

Среди 40 с лишним погребений жриц Южного Приуралья, если считать по числу найденных жертвенников¹⁰, процент богатых женских погребений очень невелик. Из новых захоронений жриц, изученных в 1973—1974 гг. в Актюбинском левобережье р. Илек, особый интерес представляет погребение женщины в кургане 3 могильника Бес-оба. Эта курганная группа из 12 насыпей находится в 3,5 км к юго-западу от центральной усадьбы совхоза Хлебодаровский Актюбинского р-на той же области. Курган 3 входит в состав центральной группы наиболее крупных по размеру курганов могильника. Высота его земляной насыпи достигает 1,9 м; диаметр с севера на юг 38 м и с востока на запад 36 м. Насыпь покрывала сложную деревянную конструкцию, имевшую почти круглую шатрообразную форму. Ее площадь около 44 кв. м. Бревна и плахи, использованные для сооружения перекрытия, имели толщину 0,15—0,25 см и сохранились в длину на 7—9 м. В раскопе хорошо прослеживалась радикальная позиция бревен по направлению к центру могилы, где эти бревна каким-то образом соединялись между собой. Предполагаемая первоначальная высота деревянной конструкции была не менее 1,5 м. Сверху этот деревянный шатер был покрыт кустарником и соломой.

Для поддержания такой сложной постройки использовались скорее всего деревянные опоры, хотя следы столбовых ям обнаружить не удалось. В центре под перекрытием были выявлены контуры круглой погребальной площадки, углубленной в грунт на 0,6 м. Диаметр ее с севера на юг 6,4 м, с востока на запад 6,2 м.

Северная половина могильной ямы была занята погребением женщины-жрицы (рис. 1). Скелет вытянут на спине черепом на запад с небольшим отклонением к югу. Густой слой тлена от шерсти и растительных остатков, обнаруженный над погребенной и под ней, указывает на то, что покойница была завернута в кошму и затем обмотана плетеной из веток кустарника. Кости сохранились плохо. Правая рука скелета согнута в локте и поднята к голове, левая вытянута вдоль туловища. Грудь и шея покойницы украшены ожерельем, состоящим из сердоликового

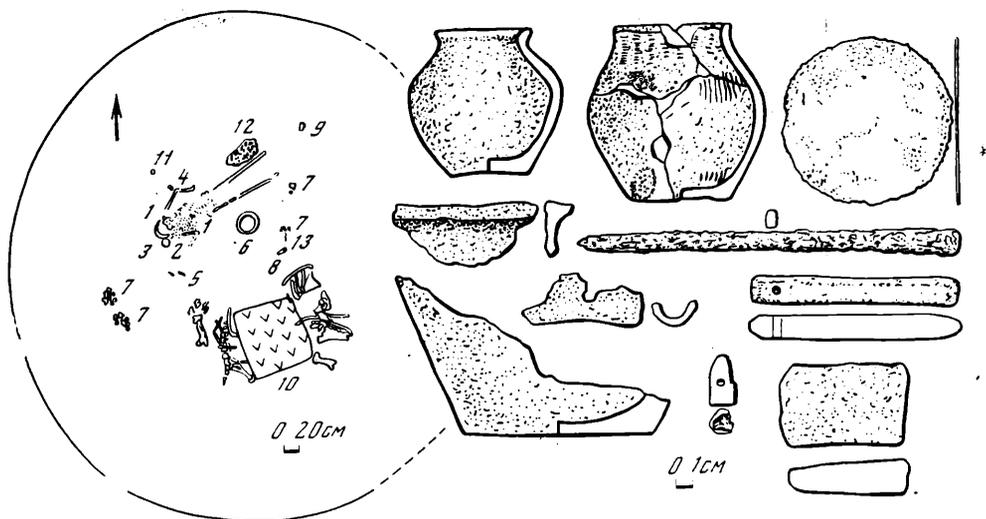

Рис. 1. Могильник Бес-оба, курган 3. План погребальной площадки и вещи

1 — серьги; 2 — нашивные бляшки; 3 — зеркало; 4 — зеленая краска; 5 — железный нож; 6 — каменный алтарь; 7 — глиняные сосуды; 8 — точильный камень; 9 — краскотерка; 10 — ритуальное кострище; 11 — обломок костяного изделия; 12 — красная краска; 13 — реальгар

кулона, обрамленного золотой оправой, золотых бус и трубок, связки синих стеклянных бусин. С правой стороны черепа и на левой стороне груди найдены полые внутри массивные золотые, украшенные зернью серьги конической формы. На верхней одежде нашиты 95 электровых полшарных нашивок.

С левой стороны погребенной на уровне локтя обнаружены следы зеленой краски, фрагмент костяного предмета неясного назначения, а у ног — красная краска в виде порошка в матерчатом мешке, плоская, почти прямоугольная каменная краскотерка и глиняный сосуд баночной формы с ногтевидным орнаментом по шейке. С правой стороны у головы лежало бронзовое круглое зеркало с чуть отогнутой закраиной, а на уровне бедренной кости — большой каменный жертвенник из розового песчаника на трех ножках (рис. 2), превосходной художественной выделки. Ножки жертвенника сделаны в виде скульптурной головы хищника (волка). Снизу жертвенника орнаментирован рельефной трехлепестковой фигурой. Чуть правее жертвенника находились второй маленький глиняный сосуд без орнамента, кусочки реальгара и длинный, почти круглый в сечении точильный камень с отверстием для подвешивания на одном конце. В 20 см к югу от черепа лежал плоский железный нож без выделенной рукояти. Ближе к западной стенке могильной площадки находились обломки крупного глиняного сосуда с носиком-сливом.

В южной половине могильной ямы обнаружен прямоугольный очаг в виде кострища, углубленный в землю на 5 см. Сохранившиеся зола и куски древесного угля свидетельствуют о том, что во время обряда захоронения в очаге горел огонь. У западной и восточной стенок очага располагались части туши лошади. На правой стороне лежали плечевая кость, лопатка, ребра, а на левой — кости таза, хвостовые позвонки, вторая плечевая кость, спинные позвонки и ребра.

Коллекция золотых изделий этого захоронения содержит яркие образцы ювелирного искусства. Крупные серьги, украшенные зернью, — редкое произведение древних мастеров по золоту (рис. 3). Каждая серьга состоит из несомкнутого кольца, сделанного из расплющенной проволоки; к кольцу припаян полый конус, свернутый из золотого листа; полоски

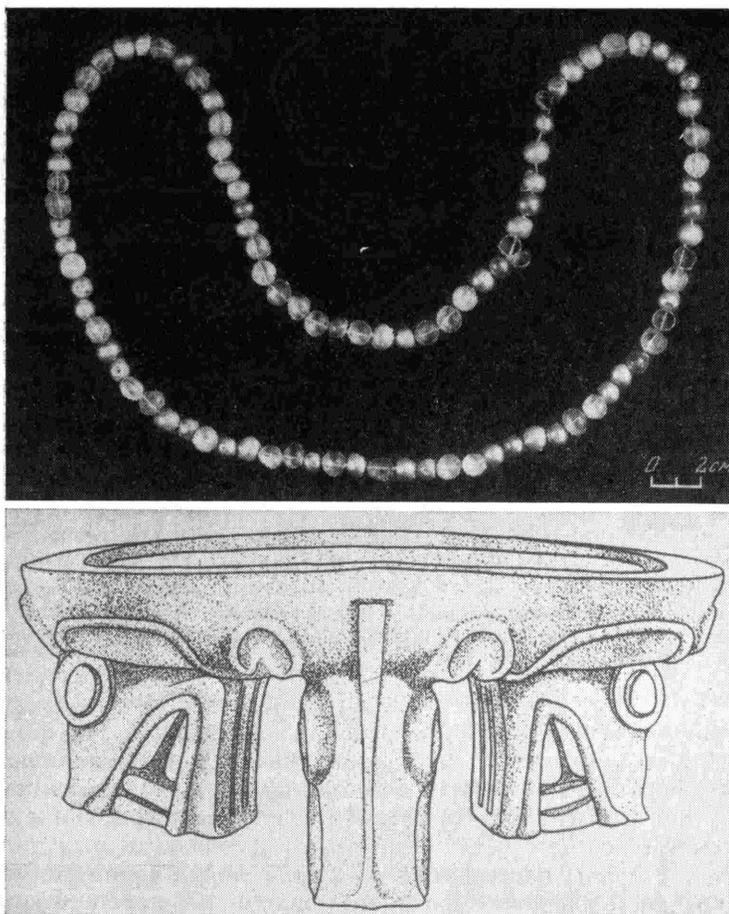

Рис. 2. Нашивные бляшки и жертвенник

зерни покрывают вертикальный шов конуса и низ тулова каждой серьги; зернь украшает также место соединения тулова и кольца.

Из опубликованных материалов по Приуралью нам известна лишь одна находка крупных золотых серег из могильника Биш-оба второй половины VI в. до н. э.¹¹ Однако бишобинские серьги, близкие нашим по технологии, отличаются от них биконической формой и рядом технических деталей. Аналогии бесобинским формам имеются далеко на востоке, в Центральном Казахстане, где в кургане 2 могильника Жиланды первого этапа тасмолинской культуры была найдена подобная сережка, но только меньших размеров¹². Вообще наибольшее количество серег с конусовидными колпачками происходит из Сибири и восточной половины Казахстана. Это серьги из коллекции Витзена, из алтайских курганов Сростинского и Быстрянского могильников, погребений Тувы¹³. Однако все перечисленные серьги были с подвесками или со вставками камня, в то время как бесобинские такой особенности не имели. Указанные различия объясняются, вероятнее всего, индивидуальным характером изготовления подобных изделий.

Оригинально и ожерелье, состоящее из 23 золотых предметов (рис. 3). В центре ожерелья помещался сердоликовый прямоугольный кулон, оправленный в золотую рамку. На лицевом щитке рамки, у камня, припаяна витая тонкая проволочка, обрамленная комбинациями зерни; сверху ку-

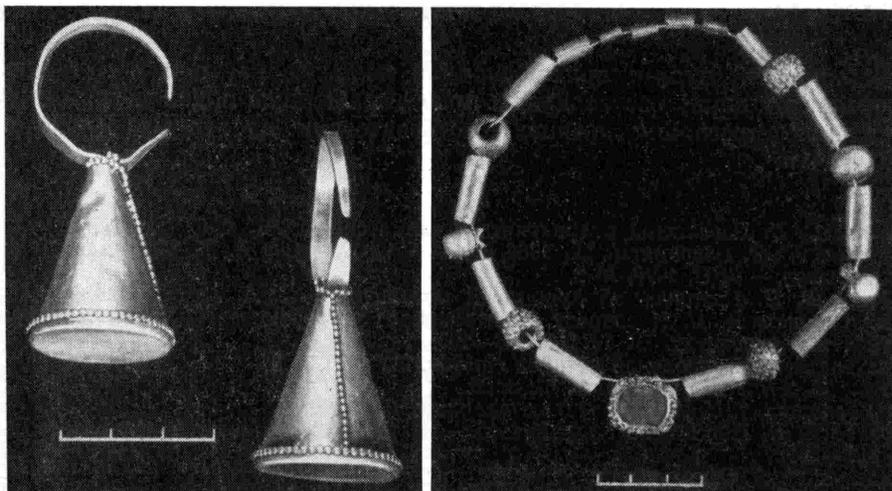

Рис. 3. Золотые серьги и ожерелье

лон имеет три миниатюрные петельки; кроме того, середину кулона пронизывает просверленное отверстие.

Своеобразны и золотые бусины. Две из них состоят из припаянных друг к другу шариков; на верхнем маленьком шарике есть петельчатое отверстие (первоначальное отверстие износилось, поэтому новое сделано с другой стороны). Бока большого нижнего шарика в результате долговременного употребления ожерелья износились. Поверхность шариков сплошь покрыта зашлифованной зернью. Точно такой же зернью украшены еще две массивные круглые бусины. По-иному сделаны три другие бусины; они покрыты маленькими ячейками. Ячейки изготовлены следующим образом: сначала к тулову припаявались миниатюрные полые шарики, которые затем в центре продавливались. В состав ожерелья входят также восемь крупных и пять малых цилиндрических трубочек.

Рядом с золотым ожерельем были найдены 34 стеклянные бусины. Большинство из них (21) — темно-синего цвета, плоские, без орнамента; четыре бусины — сплюснuto-эллипсоидные с белым глазчатым орнаментом; шесть бусин — голубые, орнаментированные белой глазурью; три — соломенно-желтого цвета, с сосцевидными отростками.

В материале из кургана Биш-оба, раскопанного под Орском одним из видных этнографов Башкирии конца XIX в. П. С. Назаровым, есть параллели и 95 нашивным полусферическим украшениям одежды¹⁴. Украшения такого типа известны в Чирик-рабаде¹⁵, а далее на восток — в могильнике Карамурун Павлодарской обл.

Жертвенное блюдо из кургана 3 — высокохудожественное произведение каменерезного искусства, свидетельствующее о том, что илехские ваятели по камню в совершенстве владели объемно-пластическими средствами. Об этом говорит оформление ножек бесобинского алтаря. На них в скульптуре представлены характерные для савроматского искусства канонические изображения волчьих голов с грозно оскаленной пастью. На тесную связь каменных алтарей с солярными культами и культурами поклонения огню указывает оформление донной части бесобинского жертвенника рельефным орнаментальным крестом, составленным из трехлепестковой фигуры.

Предметы кургана Бес-оба по многим линиям сопоставляются с материалами таких ярких памятников, как уже упомянутая Биш-оба, второй и третий курганы Тара-Бутака¹⁶. Датировке нашего кургана рубежом

VI—V вв. до н. э. не противоречат и остальные находки, в частности глиняные сосуды.

Бесобинский курган принадлежит к наиболее богатым погребениям приуральских жриц, составлявших ярко выраженную привилегированную социальную прослойку древних скотоводческих племен Орь-Илекского междуречья.

- ¹ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 100—121.
- ² Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 200—205; Хазанов А. М. Материнский род у сарматов. — ВДИ, 1970, № 2.
- ³ Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. — МИА, № 60, 1959, с. 430—432; Смирнов А. П. К вопросу о матриархате у савроматов. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 188—190.
- ⁴ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 86.
- ⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26.
- ⁶ Ср.: Смирнов А. П. К вопросу о матриархате... с. 190.
- ⁷ Граков Б. Н. Пережитки матриархата..., с. 109, 110; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 202—205.
- ⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 203—204.
- ⁹ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, вып. Д1-9, 1963, с. 6.
- ¹⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 162.
- ¹¹ Там же, с. 302, рис. 10, 1е.
- ¹² Кадырбаев М. К. Могильник Жиланды на реке Нуре. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 44, рис. 12.
- ¹³ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962, рис. 2, 3, 19; Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае. — АСГЭ, 8, 1966, рис. 3, 3; Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, сер. ист.-филол., 1958, № 4, табл. II, 57.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10 (тип Id).
- ¹⁵ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 81.
- ¹⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 10, 17, 18.

Х. Ю. ЮСУПОВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ НА УЗБОЕ

Изучение памятников кочевого населения античного периода на территории современного Туркменистана было начато в 50-х годах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией и Институтом истории, археологии и этнографии АН ТССР. Изучение курганных памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи проводилось Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова¹. В эти же годы А. А. Марущенко были раскопаны курганные погребения сарматского времени (Хаскяриз, Кизыл-чешме) в подгорной полосе Южного Туркменистана². Проведены раскопки могильников на побережье Амударьи (Бабашов)³, в подгорной полосе Копет-Дага (Пархай Мешрепитахта, Чукур и др.)⁴ и в других местах археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН ТССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А. М. Мандельштама⁵.

С 1970 г. отряд отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР ведет систематические исследования курганных памятников Северо-Западной Туркмении. Раскопки проводились в могильниках Богарслан, Камалкыр, Черешлы 1—3, Гичгельды, Таланхайата, Акяйла, Гараязы и на Дордуле.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

- ¹² Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1959, с. 110—114, рис. 17, 23, 25, 30; 19, 2.
- ¹³ Пилипко В. Н. Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарри-кяриз (Парфияна). — В кн.: Каракумские древности, вып. III. Ашхабад, 1970, с. 79, 80; он же. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. — В кн.: Каракумские древности, вып. IV. Ашхабад, 1972, с. 78—86.
- ¹⁴ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д1-10, 1963, с. 30, 31, табл. 14—16.
- ¹⁵ Мандельштам А. М. Некоторые новые данные..., с. 27, 32; Марущенко А. А. Памятники кочевников..., с. 115, 116; Обельченко О. В. Лявандакский могильник. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 172.

Г. А. КУШАЕВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Западный Казахстан, включающий в себя территорию Уральской, Гурьевской и Актюбинской областей, археологически изучен слабо. Одной из причин этого является фрагментарность источников и источниковедческой базы.

Говоря о периоде ранних кочевников, исследователи обычно перенесли на Западный Казахстан свои представления об археологических культурах смежной территории. Период раннего средневековья оставался полностью неизученным, а развитие средневековья связывалось с историей Золотой Орды. Подобное представление о древней и средневековой истории Западного Казахстана было закономерным. Главными источниками по эпохе железа Западного Казахстана до последних лет являлись раскопки И. В. Сеницына в низовьях Большого Узенья¹ и К. Ф. Смирнова в Оренбуржье² и на Илеке³.

Систематические археологические исследования были начаты Уральским педагогическим институтом в 1968 г., и накопленные к настоящему времени данные позволяют говорить о локальных особенностях в культуре древних сарматских племен Западного Казахстана (керамика, погребальный обряд, топография памятников); об устойчивых культурных и экономических связях племен начала нашей эры со Средней Азией и югом Казахстана; об исторической непрерывности и преемственности в развитии материальной культуры и этноса с глубокой древности до развитого средневековья (прослеживается преемственность физических типов древнего населения от эпохи бронзы до периода Золотой Орды).

Археологическими раскопками 1968—1971 гг. изучены курганы могильников Чалкар I—VI, содержавшие материалы по истории савроматов⁴ и сарматов⁵, сарматов и алан, огузов и печенегов, половцев (кыпчаков) и ранних казахов. Экспедициями 1972—1973 гг. исследованы курганы могильников Барбастау I—V с материалами разных этапов сарматской культуры и средневековья. Наконец, надзорные археологические экспедиции 1974—1975 гг. изучили курганы могильников Алебастрово I, II, Кара-Су I, Мокринский I, III, Кысык-Камыс I с материалами эпохи бронзы⁶ и железа, периода поздних кочевников и периода Золотой Орды.

Таким образом, за последние восемь лет раскопано 157 курганов, содержащих более 200 захоронений, датирующихся временем от эпохи бронзы до периода Золотой Орды.

При обследовании площади затопления Айдарханской оросительной системы в низовьях р. Большой Узень были выявлены могильники Кара-Су I, II, Сорчаганак I, Мокринский I—III. В 1974—1975 гг. здесь

было вскрыто 57 курганов сарматской культуры, печенегов, половцев и времени Золотой Орды. Особый интерес представляют результаты раскопок кургана 7 в могильнике Кара-Су I.

Могильник Кара-Су I. Могильное поле расположено на первой надпойменной террасе, в 400 м от левого берега р. Большой Узень, в 6 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза Жулдузский (пос. Кара-Су). Оно вытянуто с востока на запад на 2 км по гребню едва заметной гряды, понижающейся к левому берегу р. Большой Узень. Ширина могильного поля с юга на север 600—700 м.

В могильнике насчитывалось 34 кургана. Диаметры насыпей от 8 до 40 м (исключая курган 7), высота варьировала от 0,2 до 1,8 м. Можно выделить две группы курганов. К первой группе относятся большие курганы, имеющие диаметр более 20 м, со сферической насыпью и ровиками вокруг основания насыпи. Таких курганов восемь. Ко второй группе относятся курганы без ровиков — 26. У некоторых курганов в ровиках оказались перемычки (от трех до семи). Насыпи курганов лёссовые, задернованные, поросшие полынью, как и ровики. На трех насыпях имелись грабительские воронки. Курганы расположены бессистемно, по три, четыре и пять насыпей, но в общем вытянуты неправильной цепочкой, на западном конце которой располагается самый большой в могильнике курган 7.

Курган 7 имел насыпь сферической формы диаметром 52 м, высотой 1,8 м. На ее вершине — грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 0,4 м. У подошвы насыпи — ровик шириной до 5 м. Для раскопок кургана был размечен круг диаметром 60 м с контрольной бровкой по линии запад—восток. Насыпь сносили бульдозером.

В юго-восточном секторе насыпи на глубине 0,55—0,60 м от уровня высшей точки, на расстоянии 7,6 м от центра раскопа обнаружены сложенные в кучу ребра лошади, а на расстоянии 5,4 м от центра в этом же секторе — разрозненные позвонки лошади. В юго-западном секторе на указанном уровне на расстоянии 6 м от центра — череп лошади.

В юго-западном секторе на глубине 1,15 м обнаружено захоронение женщины на спине, головой на запад. Череп лежал на правой стороне. Позвоночный столб слегка изогнут. Руки вытянуты вдоль туловища, от левой руки в неповрежденном состоянии сохранилась лишь плечевая кость. Ноги вытянуты и слегка согнуты в коленях. Длина скелета 1,45 м. Сопровождающего инвентаря нет.

На глубине 1,8 м от высшей точки насыпи, при зачистке среза контрольной бровки в южной половине раскопа выявились контуры трех могильных ям.

Насыпь в этой части имела следующую структуру (рис. 1, Б): сверху шел дерновый слой толщиной 10—15 см, под которым сразу начинался лёссовый грунт, прерывающийся широкой линзовидной впадиной центральной ямы диаметром 6 м. Грунт в этой части представлен подобием глиняной заливки. К востоку от нее на расстоянии 2,5 м начинался западный срез восточной (третьей) ямы, которая была представлена широкой (до 5 м) площадкой, доходившей до уровня древнего горизонта. Западная яма с четвертым захоронением находилась в 1 м от центральной ямы.

При сносе северной половины насыпи на глубине 0,7 м от высшей точки в северо-восточном секторе раскопа, на расстоянии 8 м от центра обнаружены сваленные в кучу ребра лошади (как и в юго-восточном секторе); в северо-западном секторе встречены кости ног лошади. При расчистке кургана на глубину 1,4 м в северной половине раскопа найден большой (высота 0,45 м, диаметр 0,49 м) бронзовый котел с яйцевидным туловом (рис. 2). Диаметр устья котла 0,4 м. Закраина, на которой сохранилась одна петлевидная ручка с выступами, скошена внутрь, вторая ручка обломана в древности. От ручек вниз по тулову опускаются по два

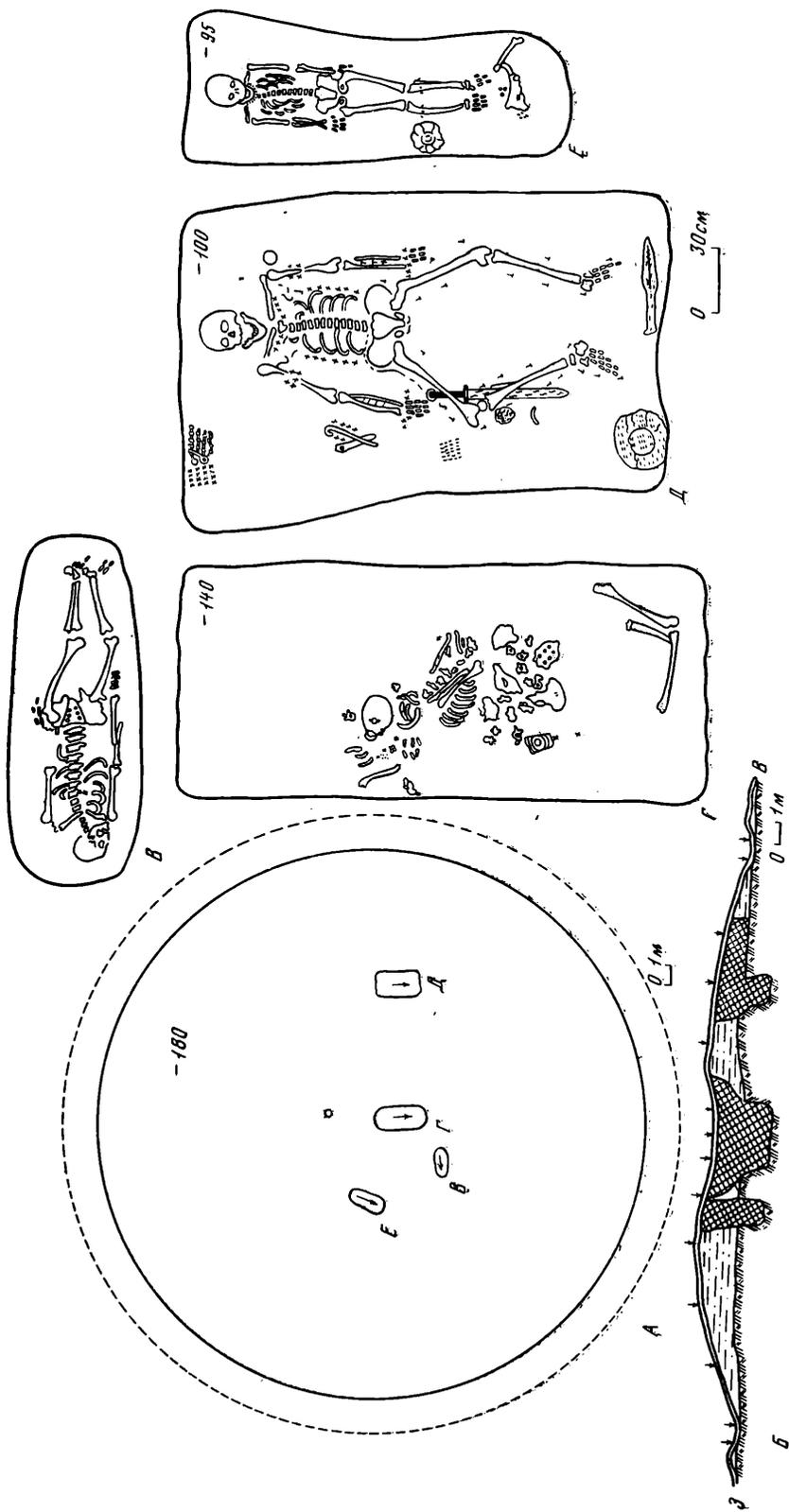

Рис. 1. План (А), разрез (В) и погребения (В—Е) кургана 7 могильника Кара-Су 1
 В — погребение 1; Д — погребение 2; Е — погребение 3; Е — погребение 4

параллельных полувалика, уходящих до орнаментального пояса-полувалика на тулове котла. Кроме петлевидных ручек, у закраины-бортика и на тулове котла имелись две малые, расположенные друг против друга петлевидные ручки с выступами для подвешивания котла. Внутри котла обнаружены кости животного, на которых находился обломок деревянного блюда-столика (рис. 3, 8).

У основания котла с западной стороны при расчистке грунта обнаружены 22 золотые бляшки (рис. 3, 1, 1а), инкрустированные гранатовыми вставками (20) и пастой бирюзового цвета (2). Каждая бляшка представляет собой плоское золотое основание, на которое напаяны золотые шарики, образующие два ряда зерни; в середине — гнездо для вставки. С верхней стороны — массивная петля для нанизывания на нить, а с нижней — гроздь из четырех золотых шариков. Среди этих золотых бляшек найдена одна крупная гранатовая бусина каплевидной формы.

Для захоронений кургана 7 характерен сарматский обряд погребения. Нам представляется, что вначале в центральной яме был похоронен какой-то племенной предводитель (погребение 2). Затем над его могилой была устроена невысокая (до 0,5—0,7 м) плоская площадка, на которой принесли в жертву коня. Конь по обычаям кочевых племен был расчленен на четыре части и положен в четырех углах ямы⁷. Часть позвонков, ребра, таз (жанбас) были сварены в северной части площадки в жертвенном котле⁸ и съедены. В южной половине площадки похоронили насильственно умерщвленную женщину. В дар погребенному были принесены и золотые украшения (бляшки).

Все указанные находки оказались почти на одной глубине и на значительном расстоянии от могильной ямы. Их, несомненно, положили над могилой в одно время. Над ними сразу была насыпана лёссовая насыпь кургана.

Анализ структуры насыпи, инвентаря захоронений в погребениях 2—4 свидетельствует о том, что захоронения совершены с небольшими промежутками во времени. Все три основных подкурганых захоронения имеют устойчивую ориентировку ям и скелетов — южную, с небольшими отклонениями на запад и восток.

Погребение 2 расположено под грабительской воронкой — оно было разграблено в древности. Могильная яма прямоугольной формы длиной 2,5 м, шириной 1,1 м имела глубину 1,4 м от уровня древней поверхности (рис. 1, Г).

При расчистке ямы с глубины 0,2 м и до дна (1,4 м) в разных частях ее обнаружены разрозненные кости скелета человека и кости овцы, погребальный инвентарь, угольки, бронзовая палица. По расположению костей скелета человека была восстановлена первоначальная ориентировка умершего. Он был положен головой на юг. Несмотря на ограбление ямы, в ней обнаружен богатый и разнообразный инвентарь. Особенно интересны два костяных двудырчатых псаля S-образной формы. На одном из них имеется изображение головки лошади (рис. 3, 29, 30). Эти изображения были широко распространены в савроматское время и

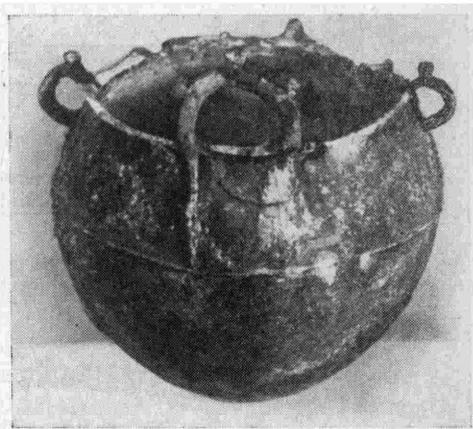

Рис. 2. Бронзовый котел из насыпи кургана 7 могильника Кара-Су I

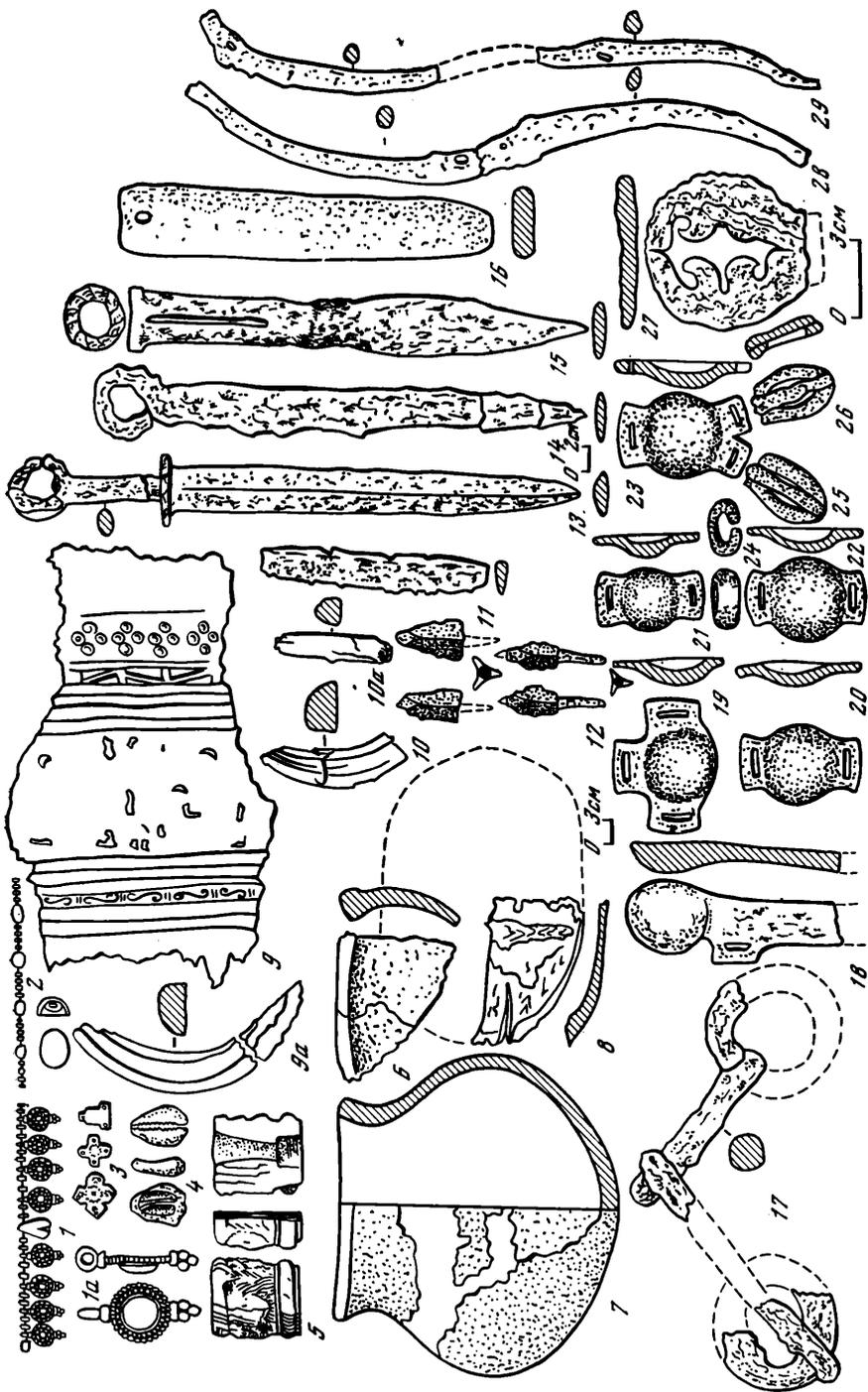

Рис. 3. Инвентарь погребений кургана 7 могильника Кара-Су I (1—29)

в среднесарматскую эпоху. Кроме того, найдены железный нож с притупленной спинкой и без выделенной ручки (рис. 3, 11) и бронзовая подвеска-наконечник пояса (рис. 3, 10, 10а). В могиле уцелели также круглые мелкие пастовые бусины бирюзового и голубого цвета (рис. 3, 2), обломок браслета и часть навершия из слоновой кости с рельефными изображениями двух женских головок и бюстов, между которыми вырезано изображение пальмы (?) (рис. 3, 5). В могиле найден фрагмент венчика сероглиняного сосуда сарматского типа (рис. 3, 6). Среди костей скелета обнаружены три обломка красноглиняного гончарного сосуда, не характерного для сарматов Приуралья.

Инвентарь основного захоронения позволяет датировать его по аналогии с ближайшими памятниками Приуралья и Приаралья III—II вв. до н. э.

Погребение 3 располагалось к востоку от центрального. В срезе контрольной бровки отчетливо выделялся его перемешанный грунт, доходивший от вершины до уровня древнего горизонта и свидетельствующий о впускном характере захоронения (рис. 1, Б, Д).

Могильная яма погребения 3 тоже имела прямоугольную форму, длина ее 2,2 м, ширина — 1,4 м, глубина — 1 м. Яма засыпана перемешанным грунтом, легко отпадающим от стенок. На глубине 0,2 м в яме замечены кости скелета человека. После полной расчистки ямы в ней обнаружено захоронение мужчины, скелет которого лежал посредине, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях и разведены в стороны (как у всадника, сидящего на коне). Длина скелета 1,8 м. Рядом со скелетом найден многочисленный и разнообразный инвентарь. В северном конце ямы встречен массивный наконечник копья лавролистной формы с удлинненной втулкой для насадки на древко (рис. 3, 15). Длина жала копья 22 см, втулки — 16 см, диаметр ее 5 см. Сохранность копья плохая. В северо-восточном углу ямы сохранились остатки деревянного седла с кожаной облицовкой. На кожаную облицовку седла темно-коричневого цвета нанесен ярко-красной краской орнамент в виде параллельных линий, вдавлений, удлинненной О-образной линии с двумя штрихами на концах и геометрических фигур (рис. 3, 9, 9а).

Справа от скелета под коленным суставом и трубчатыми костями бедра и голени лежал железный кинжал с круглым кольцевым навершием, прямым перекрестием и ромбовидным в сечении клинком. Длина кинжала 46 см, клинка — 33 см, рукояти с навершием — 13 см. В 10 см справа от нижнего конца кинжала встречена круглая железная бляха диаметром 7 см, с незамкнутыми концами, с фигурными изображениями. Правее коленного сустава правой ноги найдены сложенные в кучу, спекшиеся в одну массу, мелкие железные трехперые черешковые наконечники стрел. Справа от скелета у локтевого сустава руки обнаружены точильный камень удлинненной прямоугольной формы с отверстием для подвешивания и лежавший на нем железный нож с кольцевым навершием, без выделенной ручки, с притупленной спинкой, длиной до 17 см (рис. 3, 14, 16).

В юго-восточном углу ямы найдена часть кольчуги, состоявшей из мелких (диаметр до 1 см) железных колец. Здесь же лежали железные двусоставные удила с кольцами для псалий в форме плоской пластины с круглым плоским навершием и 14 железных блях налобного и носового ремня уздечки (рис. 3, 18—27). На костях груди, правой и левой рук, на трубчатых костях ног найдено около 300 золотых нашивных бляшек в виде четырехлистника и ступенчатых башенок размерами до 1—1,5 см (рис. 3, 2, 3).

Погребение 4 располагалось к западу от центральной ямы и было ориентировано на юго-запад. Яма имела длину 1,8 м, ширину 0,5 м (рис. 1, А, Е). При расчистке ямы на глубине 0,95 м обнаружено захоронение девочки 12—14 лет. Скелет лежал на спине. Ноги вытянуты,

руки — вдоль туловища. Длина скелета 1,25 м. На плечевых костях рук найдены пастовые бусины круглой и квадратной формы. Справа от скелета, у коленного сустава, стоял глиняный сосуд типичной сарматской формы, с черной фактурой теста, очень плохой сохранности (рис. 3, 7). В ногах скелета лежали лопатка и передняя нога овцы. Между костями овцы и ступнями ног скелета были две раковины каури. К востоку от лопатки найдены пастовые бусы (рис. 3, 4).

Из описания видно, что все погребения имеют черты сарматской культуры. Погребения в центральной яме (1 и 2) содержали инвентарь, который имеет аналогии в материялах памятников Приуралья более раннего периода. В частности, костяные псалии из погребения 2 (центральная яма) имеют характерную для Приуралья S-образную форму, широко распространенную в Оренбуржье, Приуралье, отчасти — в Нижнем Поволжье. Аналогичные двудырчатые псалии встречены в кургане 8 могильника Пятимары I⁹, в кургане 7 могильника у с. Сары¹⁰. Изображение головки лошади на нашем псалии наиболее сходно с изображением на псалиях из кургана 3 могильника Алебастрова Гора¹¹. Все эти памятники К. Ф. Смирнов датирует V—IV вв. до н. э.

Бронзовый котел, обнаруженный в северной половине насыпи, находит аналогии в котле из кургана 2 в урочище Урал-Сай¹², датированного VI в. до н. э.

Анализ золотых украшений гуннской эпохи свидетельствует о том, что на них окантовка двумя рядами припаянных шариков (зернь) не встречается¹³. По-другому оформлены на гуннских украшениях и завершающие пирамидки зерни. На золотых бляшках из описываемого кургана пирамидки состоят всего из четырех шариков, образующих зернь. По этому признаку мы склонны сравнивать наши находки с ювелирными изделиями более раннего времени — IV в. до н. э.¹⁴

Погребения 3 и 4, по-видимому, относятся к более позднему времени, чем основные захоронения. Аналогии копью, кинжалу с кольцевым навершием мы находим в могильнике Кара-Оба (курган 3, погребение 2; курган 11, погребения 1, 2), который датируется III—II вв. до н. э.¹⁵

Таким образом, курган 7 следует датировать временем со второй половины IV в. до н. э. до начала I в. н. э., к которому относятся впускные погребения 3 и 4.

¹ Синицын И. В. Археологические раскопки в Западном Казахстане. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, археология, 1956, с. 87—139.

² Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

³ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д1-10, 1963.

⁴ Мошкова М. Г., Кушаев Г. А., Фелегчиков Б. Ф. Археологические исследования в Западном Казахстане. — АО 1969 г. М., 1970, с. 394.

⁵ Кушаев Г. А. Археологические исследования в Западном Казахстане. — АО 1971 г. М., 1972, с. 498.

⁶ Мошкова М. Г., Кушаев Г. В. Сарматские памятники Западного Казахстана. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 258—269.

⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 19, 20.

⁸ Там же, рис. 4, с. 10, 11.

⁹ Там же, рис. 28, 13.

¹⁰ Там же, рис. 35Б, 10.

¹¹ Там же, рис. 40, 1в.

¹² Там же, рис. 4, 4а.

¹³ Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.

¹⁴ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 194, рис. 246, 250, 251.

¹⁵ Синицын И. В. Археологические раскопки..., табл. 9, 1; рис. 35, 38.